

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 67. «Чтоб вершилось вращенье вселенной
без ложного звука»

Выпуск 652

Евгений Баратынский

Мой дар убог, и голос мой негромок,
Но я живу, и на земли моё
Кому-нибудь любезно бытиё:
Его найдёт далёкий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашёл я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

1828

Анна Ахматова

Если б все, кто помощи душевной
У меня просил на этом свете, —
Все юродивые и немые,
Брошенные жены и калеки,
Каторжники и самоубийцы, —
Мне прислали по одной копейке,
Стала б я «богаче всех в Египте»,
Как говаривал Кузмин покойный...
Но они не слали мне копейки,
А со мной своей делились силой,
И я стала всех сильнее на свете,
Так, что даже *это* мне не трудно.

1961

Николай Гумилёв

Мои читатели

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне чёрного копыеносца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнём неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошёл пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и весёлых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, весёлой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевную теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: «Я не люблю вас»,

Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше.
А когда придёт их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

1920

[Выпуск 664](#)

Вероника Тушнова

Много счастья и много печалей на свете,
а рассветы прекрасны,
а ночи глухи...
Незаконной любви
незаконные дети,
во грехе родились они –
эти стихи.
Так уж вышло, а я ни о чём не жалею,
трачу, трачу без удержу душу свою...
Мне они всех рождённых когда-то милее,
оттого что я в каждом тебя узнаю.
Я предвижу заране их трудную участь,
дождь и холод у запертых глухо дверей,
я заране их долгой бездомностью мучусь,
я люблю их – кровиночки жизни моей.
Всё равно не жалею.
Мне некогда каяться.
Догорай, моё сердце, боли, холодей, –
пусть их больше от нашего счастья останется,

перебьются!
Земля не без добрых людей!

Анна Ахматова

Многим

Я – голос ваш, жар вашего дыханья,
Я – отраженье вашего лица.
Напрасных крыл напрасны трепетанья, –
Ведь всё равно я с вами до конца.

Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей,
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей,
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нём
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошённый дом.
И говорят – нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь – забытой быть.

1922

Лариса Патракова

Вся жизнь моя – от дельты до истока
Бурлацкий путь.
Отечество не ласково к пророкам,
И как-нибудь,
Перемогаясь с хлебушка на воду

В снегах зимы,
Поёшь среди оглохшего народа –
Бог дал взаймы.

Так и тащусь от дельты до истока
Долги отдать...
Пророчества исполнятся до срока
От Азь до Ять.

Выпуск 590

Лариса Миллер

Вот он, омут моей души,
Обмани меня, веры лиши,
Оттолкни меня, выдай, ограбь –
Только рябь на воде, только рябь.
Всё, что ценно мне, брось и рассыпь –
Только зыбь на воде, только зыбь.
Все деянья мои сокруши –
Только слабые всплески в тиши.
А войдёшь в эти воды – кричи,
Так ожгут ледяные ключи.

1970

Анна Ахматова

Надпись на книге

Что отдал – то твоё.
Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Я снова всё на свете раздарю
И этого мне снова будет мало.

Я притворюсь беззвучною зимой
И вечные навек захопну двери,
И всё-таки узнают голос мой,
И всё-таки ему опять поверят.

1959

Марина Цветаева

Я сказала, а другой услышал
И шепнул другому, третий – понял,
А четвёртый, взяв дубовый посох,
В ночь ушёл – на подвиг. Мир об этом
Песнь сложил, и с этой самой песней
На устах – о жизнь! – встречаю смерть.

1918

Выпуск 1242

Анна Ахматова

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.
Ещё недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полёт,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

1917

Бахыт Кенжеев

Любому веку нужен свой язык.
Здесь Белый бы поставил рифму "зык".
Старик любил мистические бури,
таинственное золото в лазури,
поэт и полубог, не то что мы,
изгнанник символического рая,
он различал с веранды, умирая,
ржавяющие крымские холмы.

Любому веку нужен свой пиит.
Гони мерзавца в дверь – вернётся через
окошко. И провидческую ересь
в неистойой печали забубнит,
на скрипочке оплачет времена
античные, чтоб публика не знала
его в лицо, – и молча рухнет на
перроне Царскосельского вокзала.

Ещё одна: курила и врала,
и шапочки вязала на продажу,
морская дочь, изменница, вдова,
всю пряжу извела, чернее сажи
была лицом. Любившая, как сто
сестёр и жен, верёвкою бесплатной
обвязывает горло – и никто
не гладит ей седеющие патлы.

Любому веку... Брось, при чём тут век!
Он не длиннее жизни, а короче.
Любому дню потребен нежный снег,
когда январь. Луна в начале ночи,
когда июнь. Антоновка в руке,
когда сентябрь. И оттепель, и сырость
в начале марта, чтоб под утро снилась
строка на неизвестном языке.

Ярослав Таран

И прячутся поспешно в уголки,
И выбегают из углов угланы.

Мандельштам

В диком мире расчисленных линий
крайний угол нашёлся для зренья:
вечный сор, словно небо излишний,
заметает в него гончар-время.

Эта красная глина чревата
то стихами, то войнами. Только
синий строй наш стихает: солдаты
растворяются солнечной солью
в чёрной памяти звёздного моря,
как в крови неродившихся песен.
Ночь глазами кошачьими смотрит,
паутину бессонниц развесив,
всё считает – кому чего стоит...
Крайний угол не тело – не тесен!

Эта красная глина как тесто,
заметает нас времени веник:
есть углы, где дышать интересно,
где нет страха, ни зрелищ, ни денег.
Мы такого там неба намесим! –
и за словом в карман не полезем:
в глубине голубиной для смеха
в планах века таится прореха,
где живое живым не помеха.

2005

Выпуск 1064

Лев Болеславский

Карадаг (из цикла «Киммерия»)

Ты думал: он потух? –
В нём длится изверженье!
Но то не лава – дух
Творенья и свершенья!

Не зря со всей Земли
К нему в былые лета
За вдохновеньем шли
Великие поэты!

Он и меня накрыл
И вырывает слово
С пластами скрытых сил
Из недр души суровой!

Быть может, с этих гор
Я и до вас достану,
Чьи души с неких пор –
Потухшие вулканы...

Арсений Тарковский

Зуммер

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто ещё не рождён,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времён.

Так последний связист под обстрелом,
От большого пути в стороне,

Прикрывает расстрелянным телом
Ящик свой на солдатском ремне.

На снегу в затвердевшей шинели,
Кулаки к подбородку прижав,
Он лежит, как дитя в колыбели,
Правотой несравненною прав.

Где когда-то с боями прошли мы
От большого пути в стороне,
Разбегается неповторимый
Терпкий звук на широкой волне.

Это старая честь боевая
Говорит:
 – Я земля. Я земля, –
Под землёй провода расправляя
И корнями овсов шевеля.

1961

Выпуск 1311

Бахыт Кенжеев

Словно тетерев, песней победной
развлекая друзей на заре,
ты обучишься, юноша бледный,
и размерам, и прочей муре,

за стаканом, в ночных разговорах
насобачишься, видит Господь,
наводит иронический шорох –
что орехи ладонью колоть,

уяснишь ремесло человечье,
и ещё наостришься, строка,

обихаживать хитрою речью
неподкупную твердь языка.

Но неожиданное что-то случится
за границею той чепухи,
что на гладкой журнальной странице
выдавала себя за стихи.

Что-то страшное грянет за устьем
той реки, где и смерть нипочём, —
серафим шестикрылый, допустим,
с окровавленным, ржавым мечом,

или голос заоблачный, или...
сам увидишь. В мои времена
этой мистике нас не учили —
дикой кошкой кидалась она

и корёжила, чтобы ни бури,
ни любви, ни беды не искал,
испытавший на собственной шкуре
невозможного счастья оскал.

Николай Заболоцкий

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой,
Шёл по кладбищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.
И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,

И творя поминанье,
В морщинистой тёмной руке
Две лепёшки ему
И яичко, крестясь, протянула.
И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звёзды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.
Это было давно.
И теперь он, известный поэт,
Хоть не всеми любимый,
И понятый также не всеми, —
Как бы снова живёт
Обаянием прожитых лет
В этой грустной своей
И возвышенно чистой поэме.
И седая крестьянка,
Как добрая старая мать,
Обнимает его...
И бросая перо, в кабинете
Всё он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

1957

Выпуск 487

Мария Петровых

Тихие воды, глубокие воды,
Самозащита немой свободы...

Хуже ли те, что бесстрашно мчатся,
Смеют начаться, смеют кончаться,
Память несут о далёком истоке.
Вы же молчите, недвижны, глубоки, –
Не о чем вспомнить, не о чем грезить...
Вам повидать бы Арагву и Бесядь –
Их обречённость, самозабвенье,
Самоубийство, саморожденье...
Вашей судьбою, стоячие воды,
Только глухие, незрячие годы,
Намертво сомкнутые уста,
Холод, и темень, и немота.

1967

Ирина Ратушинская

Что ты помнишь о нас, мой печальный,
Посылая мне лёгкие сны?
Чем ты бредишь пустыми ночами,
Когда стены дыханью тесны?
Вспоминаешь ли первые встречи,
Дальний стан, перекрёстки веков?
Говорит ли неведомой речью
Голубое биенье висков?
Помнишь варваров дикое стадо,
И на гребне последней стены
Мы – последние – держим осаду,
И одною стрелой сражены?
Помнишь дерзкий побег на рассвете,
Вдохновенный озноб беглецов,
И кудрявый восточный ветер,
Мне закидывающий лицо?
Я не помню, была ли погоня,
Но наверно отстала вдали,
И морские весёлые кони
Донесли нас до тёплой земли.

Помнишь странное синее платье –
И ребёнок под шалью затих...
В этот год исполнялось проклятье,
И кому-то кричали: «Мы – братья!»
А кого-то вздымали на штык...
Как тогда мы друг друга теряли –
В суматохе, в дорожной пыли –
И не знали: на день, навсегда ли?
И опять – узнаёшь ли – нашли!
Через смерть, через годы и годы,
Через новых рождений черты,
Сквозь забвения тёмные воды,
Сквозь решётку шепчу: это ты!

1983

Выпуск 869

Осип Мандельштам

Увы, растаяла свеча
Молодчиков калёных,
Что хаживали вполплеча
В камзольчиках зелёных,
Что пересиливали срам
И чумную заразу
И всевозможным господам
Прислуживали сразу.

И нет рассказчика для жен
В порочных длинных платьях,
Что проводили дни как сон
В пленительных занятиях:
Лепили воск, мотали шёлк,
Учили попугаев
И в спальню, видя в этом толк,
Пускали негодяев.

1932

Ирина Ратушинская

Мне в лицо перегаром дышит моя страна.
Так пришли мне книгу, где нет ничего про нас.
Чтобы мне гулять по векам завитых пажей,
Оловянных коньков на крышах и витражей,
Чтоб листать поединки, пирушки да веера,
Чтоб ещё не пора – в костёр, ещё не пора...
И часовни ещё звонят на семи ветрах,
И бессмертны души, и смеха достоин страх.
Короли ещё молоды, графы ещё верны,
И дерзят певцы. А женщины сотворены
Слабыми – и дозволено им таковыми быть,
И рожать сыновей, чтобы тем – берега судьбы
Раздвигать, и кольчуги рвать, и концом копья
Корм историкам добывать из небытия.
Чтоб шутам решать проблемы зла и добра,
Чтобы львы на знамёнах и драконы в горах,
Да в полнеба любовь, да весёлая смерть на плахе,
А уж если палач – пускай без красной рубахи.

1983

Выпуск 765

Бахыт Кенжеев

А. В.

Век обозлённого вздоха,
провинциальных затей.
Вот и уходит эпоха
тайной свободы твоей.
Вытрем солдатскую плошку,
в нечет сыграем и чёт,
серую глядя обложку
книги за собственный счёт.

Помнишь, как в двориках русских
мальчики, дети химер,
скверный портвейн без закуски
пили за музыку сфер?
Перегорела обида.
Лопнул натянутый трос.
Скверик у здания МИДа
пыльной пылью зарос.

В полупосмертную славу
жизнь превращается, как
едкие слёзы Исава
в соль на отцовских руках.
И устающее ухо
слушает ночь напролёт
дрожь уходящего духа,
цепь музыкальных длиннот...

Юлий Даниэль

А нужно ль былого чураться,
Пускать прожитое на слом,
Позиции и декларации
Выдумывать задним числом?

Придумывать звонкие фразы
Для будущих мраморных плит –
Что, мол, от рождения, сразу
Ты был из металла отлит?

И чваниться напропалую,
И лавры, кичась, пожинать,
И всю беззаботность былую
Предательски не вспоминать?

Не стоит в бессмертье стучаться;
Другие, быть может, словчат –
Тебя ж уличат домочадцы,
Друзья тебя изобличат:

Расскажут правдивую повесть,
Отыщут простые слова –
Что жил, ни к чему не готовясь,
Как дерево и как трава,

Которые пахнут, и вянут,
И знать не хотят наперёд,
Что пилы и косы нагрянут,
Подступят, возьмут в оборот...

Невместно полену и сену
Казаться иными, чем все,
Пойти на такую измену –
Забывать о земле и росе...

Выпуск 530

Николай Рерих

Любовь

Вот уж был день! Пришло
к нам сразу столько людей.
Они привели с собой каких-то
совсем незнакомых. Ранее я
не мог ничего о них расспросить.
Хуже всего, что они говорили
на языках совсем непонятных.
И я улыбался, слушая их
странные речи. Говор одних
походил на клёкот горных
орлов. Другие шипели, как змеи.
Волчий лай иногда узнавал я.
Речи сверкали металлом. Слова
становились грозны. В них
грохотали горные камни.
В них град проливался.

В них шумел водопад.
А я улыбался. Как мог я
знать смысл их речи? Они,
может быть, на своём языке
повторяли милое нам слово
«любовь»?

1920

Марина Цветаева

Чужому

Твои знамёна – не мои!
Врозь наши головы.
Не изменить в тисках Змеи
Мне Духу – Голубю.

Не ринусь в красный хоровод
Вкруг древа майского.
Превыше всех земных ворот –
Врата мне – райские.

Твои победы – не мои!
Иные грезилась!
Мы не на двух концах земли –
На двух созвездиях!

Ревнителю двух разных звёзд –
Так что же делаю –
Я, перекидывая мост
Рукою смелою?!

Есть у меня моих икон
Ценней – сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы – кроющийся.

Пред ним – все клонятся клинки,
Все меркнут – яхонты.
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.

И будем мы судимы – знай –
Одною мерою.
И будет нам обоим – Рай,
В который – верую.

1920

Выпуск 1030

Александр Пушкин

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры,
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у чёрного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.

1827

Марина Цветаева

из цикла «Ici-haut (Памяти Максимилиана Волошина)»

Товарищи, как нравится
Вам в проходном дворе
Всеравенства – перст главенства:
– Заройте на горе!

В век: «распевай, как хочется
Нам – либо упраздним»,
В век скопищ – одиночества
– Хочу лежать один –
Вздых.

В стране, которая – одна
Из всех звалась Господней,
Теперь меняют имена
Всяк, как ему сегодня

На ум или не-ум (потом
Решим!) взбредёт. «Леонтьем
Крещёный – просит о таком-
то прозвище». – Извольте!

А впрочем, что Ему с холма,
Как звать такую малость?
Я *гору* знаю, что *сама*
Переименовалась.

Среди казарм, и шахт, и школ:
Чтобы душа не билась! –
Я *гору* знаю, что в престол
Души преобразилась.

В котлов и общего котла,
Всеобщей котловины

Век – гору знаю, что светла
Тем, что на ней *единый*

Спит – на отвесном пустыре
Над уровнем движенья.
Преображенье на горе?
Горы – преображенье.

Гора, как все была: стара,
Меж прочих не отметишь.
Днесь Вечной Памяти Гора,
Доколе солнце светит –

Вожатому – душ, а не масс!
Не двести лет, не двадцать,
Гора та – как бы ни звалась –
До веку будет зваться

Волошинской.

1932

Выпуск 1126

Лариса Патракова

С холмов стекали мощные слова,
В траве свивая сумрачные гнёзда,
И даль небес пронизывали звёзды,
И ярче всех одна звезда была.

Других примет стихам не отыскать:
Спасая жизнь предчувствием рассвета,
Разматывали нить времён поэты,
Все остальные продолжали спать.

Ирина Ратушинская

Мандельштамовской ласточкой
Падает к сердцу разлука,
Пастернак посылает дожди,
А Цветаева – ветер.
Чтоб вершилось вращенье вселенной
Без ложного звука,
Нужно слово – и только поэты
За это в ответе.

И раскаты весны пролетают
По тютчевским водам,
И сбывается классика осени
Снова и снова.
Но ничей ещё голос
Крылом не достал до свободы,
Не исполнил свободу,
Хоть это и русское слово.

1984

Выпуск 1200

Лариса Патракова

Усталость самого слабого в стае...
Куда мы летели пол-дня,
Кого настигали – теперь не узнаю:
Добыча ушла от меня.

Ни пятнышка крови, и запах растаял –
Лишь в сытых глазах блеск огня...
До следующей гонки умело скрываю
Усталость самого слабого в стае...
Они разгадали меня...

Ирина Ратушинская

*Моему другу
Валерию Сендерову*

Мне как-то снилось: кони и попоны,
Рука с колючим перстнем на плече,
И горький лик коричневой иконы,
И твёрдый ропот тысячи мечей.
Потом не помню. Травы уставали
Оплакивать надломы, волки – выть,
И кто-то пел по мёртвым на привале,
И сохли раны, и хотелось пить.
Был месяц август. Дозревали звёзды
И падали в походные костры,
И родину спасти ещё не поздно
Казалось нам. Мы дождались поры,
Мы встали, и в который раз, спасая,
Ушли в траву и перестали быть.
Юродивая девочка, босая
По нам бежала с криком. Не убить –
Так просто. Кажется, сейчас усвоит
Моя земля бесхитростный урок...
Но нет! Ржавеют воды, бабы воют.
А мы встаём, когда приходит срок.

1983

Выпуск 855

Варлам Шаламов

Не суди нас слишком строго.
Лучше милостивым будь.
Мы найдём свою дорогу,
Нашу узкую тропу.

По скалам за кабаргою
Выйдем выше облаков.
Облака – подать рукою,
Нужен мостик из стихов.

Мы стихи построим эти
И надёжны и крепки.
Их раскачивает ветер,
До того они легки.

И, шагнув на шаткий мостик,
Поклянёмся только в том,
Что ни зависти, ни злости
Мы на небо не возьмём.

Ирина Ратушинская

Если выйти из вечера прямо в траву,
По асфальтовым трещинам – в сумрак растений,
То исполнится завтра же – и наяву
Небывалое лето счастливых знамений.
Все приметы – к дождю,
Все дожди – на хлеба,
И у всех почтальонов – хорошие вести.
Всем кузнечикам – петь,
А творцам – погибать
От любви к сотворённым – красивым, как песни.
И тогда, и тогда –
Опадёт пелена,
И восторженным зреньем – иначе, чем прежде, –
Недошедшие письма прочтём,
И сполна
Недоживших друзей оправдаем надежды.
И подыдем из пепла
Наш радостный дом,
Чтобы встал вдохновенно и неколебимо.

Как мы счастливы будем – когда-то потом!
Как нам нужно дожить!
Ну не нам – так любимым.

1983